

РГТИС Москва , Мастерская Петра Фоменко"

Надысь и намедни

Вс. 1992 - 20.62

Меропа, Анфуса, Евлампия...

Студенты П. Фоменко играют Островского

Странным образом прошедший театральный сезон былведен интересными спектаклями в академических театрах. Зато богат премьерами в московских театральных школах: Щукинском училище, ГИТИСе... Только здесь, кажется, и можно еще увидеть хорошее театральное искусство. Это может опечалить, но может и вселить надежду.

Студенты ГИТИСа, о которых пишет Н. Крымова, стали почти легендой в среде московских театралов...

В спектакле «Волки и овцы», режиссерского курса, которым в нынешней театральной академии (бывшем ГИТИСе) руководит Петр Фоменко,¹ удивительно полная свобода от всего, что стало штампом. Наклеенные бороды этому Островскому не нужны, как и джинсы. Отодвинуто и забытое: раскожее театральное представление о темном царстве и духоте русского быта...

Между тем у автора немало таких словечек и оборотов, значение которых не сразу разгадаешь, где ставить ударение, не поймешь. «Телепень», например, или «распетушка». Или — «фириштыкать». А имена! Меропа Адьядовна, Вукол, Евлампия, Анфуса, Павлин... Удивительно, но в этом словесном

«распетушке» молодые актеры чувствуют себя, как дома. И уже кажется, что именно Меропой только можно назвать существо, о котором у Островского сказано: «девица лет 65-ти». Ксения Кутепова играет старуху Мурзавецкую менее всего старухой, но зато и девицей, и барышней, и барыней, всем вместе.

Скажут, так не бывает. Бывает, однако. Спектакль изящно переводят в условный план то, что и у автора по-своему условно, а оттого и лукаво, и смешно. Барыню Мурзавецкую, естественно, вдяят под руки, почтительно усаживают на диван, но также естественно она может энергично встать, ловко сесть, молодо взглянуть. Помнит

про больную поясницу, но тут же и забывает — и то и другое вроде бы без притворства. Кто ее знает, девица она или нет. Тут как раз в некоторой неопределенности — и смех, и грех. Грехового во всех персонажах хоть отбавляй, но живая прелест греха в Меропе Мурзавецкой готова поспорить с любой моралью.

Все точно так же и у вдовы-красавицы Евлампии Купавиной, хотя по авторскому раскладу Евлампия — овца, а Мурзавецкая из волков. Купавина, которую играет Полина Кутепова, неожи-

душа мне известна: я в нее как в зеркало смотрю: вот я сейчас вижу...» и т. д. В этой зеркальности столь забавная игра, что совершенно неважно, кто победил и кто проиграл, вместе ли эти одинаковые бабочки-мотыльки долились или, как в пьесе, одна уже прожила свое, а другая только начинает полет. Островский, разумеется, не предугадывал подобной прелести в двух своих героях, но, оказывается, сегодняшние молодые могут что-то свое подарить и Островскому.

А еще в спектакле есть Анфуса. Исполнительница зо-

рассыпана по всей пьесе бесполково, как горох. Но Ма Чжин Хун дорожит в нем каждым полусловом, каждым звуком, как в музыке. Российское сиротское косноязычие воспроизводится любовно, на разные лады, с идеальным вниманием к автору, к любому партнеру, к разнообразию житейских ситуаций. Гибельность работы, можно сказать, китайская.

Спектакль «Волки и овцы» — счастливый случай, но, хочется думать, не случайность. Не могут быть случайностью замечательные постановки очень разных пьес на одном и том же курсе. Свет и снаряжение этого спектакля зависит от степени художественности. Хотя «сегодня» может быть, еще и «оттого», что с течением времени всякая мелочь прошлого становится ценна и полновесна. Как предвидел Набоков, в будущем все будет облагорожено и оправдано стариной, и «человек», надевший самый простенкий сегодняшний пиджачок, будет ужас наизнанку изысканного маскарада». Художнику остается лишь любовно уловить эту странную связь эрээмэн.

Наталья КРЫМОВА.

На снимках: сцены из спектакля «Волки и овцы».

Фото
Геннадия НЕСМАЧНОГО.

